

УДК 821(4).09

МОТИВ ПАЛОМНИЧЕСТВА В РОМАНЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ «СИДДХАРТХА»

В.Н. САПЕГА

(Полоцкий государственный университет)

vitalinasapega@gmail.com

Рассматривается художественная реализация восточной темы в романе Г. Гессе «Сиддхартха» («Siddhartha», 1922) через анализ мотива паломничества. Показано, что данный мотив трактуется в качестве путешествия Сиддхартхи к истокам своей души, к своему истинному внутреннему «я». Паломничество главного героя как процесс духовного самосовершенствования включает в себя как вынужденное, так и намеренное чувство одиночества Сиддхартхи. Целью духовных поисков героя является достижение состояния просветления, обретение внутренней целостности посредством гармонизации полярности своей личности и внешнего бытия. Раскрывается влияние мировоззрения индуизма и различных философских течений Китая на роман Г. Гессе «Сиддхартха».

Ключевые слова: мотив паломничества, мотив одиночества, принцип двоемирия и единства мира, индуизм, дзэн-буддизм, даосизм, инь и ян, художественные средства.

Введение. В творчестве немецкоязычного писателя Германа Гессе (Hermann Hesse, 1877–1962) прослеживается значительное влияние философии Востока. Гессе вырос в семье пиетистов-миссионеров и в восточных религиях видел не только экзотическую мудрость, но и способ мышления, который повлиял на его собственное мировоззрение. Интерес к Востоку в семье Гессе, освоение древнеиндийских и древнекитайских текстов, путешествие в такие страны Востока, как Малайзия, Суматра и Шри-Ланка поспособствовали глубокому проникновению писателя в восточное мировосприятие. Герман Гессе использовал формы и принципы восточного мышления в создании ментально-духовной модели мира и художественной реальности своих произведений, которые благодаря этому исполнены сложной символикой.

Гессе, таким образом, еще в начале XX века почувствовал, что философия, как и религия, не имеет национальных и культурных границ, и художественно воплотил это осознание. В обращении к религии и философии Востока немецко-швейцарский писатель видел способ остановить нравственную деградацию западного общества. Своей жизнью и творчеством Гессе показал пример плодотворного взаимодействия культурно-философских идей Запада и Востока. Для его творчества характерен ярко выраженный автобиографизм.

При рассмотрении влияния восточной философии на творчество Германа Гессе большинство литературоведов (Бернхард Целлер (Bernhard Zeller) [1], Е.Г. Мюнстер [2], Н.В. Рожкова [3], Т.В. Терехова [4] и др.) ссылаются только на такие биографические факты писателя, как поездка в Индию (хотя в самой Индии он не был) и на дедушку Гессе, индолога-переводчика Германа Гундерта. Таким образом, раскрывается влияние на творчество писателя мировоззрения индуизма. Однако самому Гессе были ближе принципы разносторонних философских течений Китая, подтверждение чему мы находим в исследованиях Г. Баумана (G. Baumann) [5], Э. Ноймана (E. Neumann) [6], Э. Хильшера (E. Hilscher) [7], Ф. Лютцендорфа (F. Lützkendorf) [8], Г. Майера (G. Mayer) [9], Р. Панвица (R. Pannwitz) [10], А. Хсия (A. Hsia) [11], З. Унсельда (S. Unselde) [12], Г. Коллера (G. Koller) [13], О.Б. Золотухиной [14], Н.В. Кузнецовой [15], Р.Г. Каралашвили [16] и др.

Основная часть. Формы художественного воплощения восточной темы в творчестве Германа Гессе весьма разнообразны. Одной из определяющих форм является мотив паломничества, который по-разному раскрывается в романах писателя. В романе «Сиддхартха» паломничество трактуется скорее не как реальное путешествие героя в конкретном географическом пространстве, а как путешествие в самого себя, в глубины своего внутреннего «я».

Роман Гессе «Сиддхартха» во всей полноте вобрал в себя реализацию как индийского мировосприятия, так и разностороннего китайского мировоззрения. Несмотря на то, что этот роман принято называть «индийской поэмой» «Сиддхартха» в большей степени является воплощением китайской мудрости. Роман разделен на две части, первая из которых отражает индийскую религию, а вторая – различные направления китайской и освобождение от индийского мышления. Сам Гессе в письме к Стефану Цвейгу отмечал: «Мой святой облачен в индийские одежды, но его мудрость ближе к Лао-Цзы, чем к Готаме» [17, с. 402].

С первых страниц романа мы узнаем, что главный герой Сиддхартха, сын брахмана¹, вырос среди девственной природы, вдали от цивилизации с ее разрушающими соблазнами. Сиддхартха в совершен-

¹ Брахман – член высшей индуистской касты, ведущей свое происхождение от древнего сословия (варны) жрецов [17, с. 402].

стве овладел всеми религиозными служениями индуизма: священными омовениями и жертвоприношениями, искусством наблюдения и медитации, беззвучному произношению священного (индуистского и буддистского) слога «ом» и умению чувствовать в себе атман, т.е. свое индивидуальное духовное начало, душу всего сущего.

Сиддхартха обучился изысканным манерам, овладел светской речью, приобрел красивый внешний вид. Все любили его: отец, мать, дочери брахманов, его друг Говинда. Однако самого себя юный брахман не радовал. Религиозные действия казались ему бесполезными. Сиддхартха почувствовал, что знания, которые он получил от своего отца и других наставников, исчерпали себя. Ни знания, ни священные служения не раскрывают для Сиддхартхи одной единственно важной вещи в жизни – что есть атман, истинное «я». Для изображения внутреннего смятения и разногласия юноши, его жажды отыскать единственную истину Гессе прибегает к использованию риторических вопросов и восклицаний: «Und wo war Atman zu finden, wo wohnte Er, wo schlug Sein ewiges Herz, wo anders als im eigenen Ich, im Innersten, im Unzerstörbaren, das ein jeder in sich trug? Aber wo, wo war dies Ich, dies Innerste, dies Letzte?» [18, S. 7] // «А где найти атман, где Он обитает, где бьется его сердце, где, как не в собственном «я», в сокровеннейшей глубине, в несокрушимом, которое всяк носит в себе? Но где, где заключено это «я», это сокровеннейшее, это последнее?» [17, с. 9], «Ihn mußte man finden, den Urquell im eigenen Ich, ihn mußte man zu eigen haben! Alles andre war Suchen, war Umweg, war Verirrung» [18, S. 8] // «Вот его-то и надо найти, первозданный источник в собственном «я», им-то и надо овладеть! Все остальное – исканье, окольный путь, ошибка» [17, с. 10]. Многие стихи священных книг (Упанишады, Ригведа, Самаведа и др.) говорят об этом сокровеннейшем. Мудрые брахманы владеют знанием о том, что душа человека – это весь мир. Но герой не встречал ни одного, кто бы жил этим знанием, претворил бы его в явь, отыскал свой атман.

Юный брахман решает покинуть родной дом и отправиться на поиски истины в паломничество вместе с аскетами-саманами, отшельниками, кто странствует в полном одиночестве. Его верный друг Говинда следует за Сиддхартхой. Изображенный писателем отказ от светлого мира отцов, от любого рода привязанностей является одним из главных принципов философии дзэн-буддизма.

Главный герой три года находится у саман. Он в совершенстве овладевает всем формами аскетизма: носит бедную накидку, постится (употребляет только сырую пищу один раз в день), занимается добровольным самоистязанием (намеренным причинением боли), останавливает дыхание и успокаивает сердцебиение. Цель Сиддхартхи у саман – это освобождение от самости через медитацию, через переселение из своего «я» в другие обличия (животных, растений, камней). Сиддхартха стремится победить свое «я», уничтожить его, заглушив в своем сердце всевозможные желания и страсти. Юный самана презирает мирские заботы, людей обыденного склада ума. Однако через некоторое время Сиддхартха приходит к выводу, что все способы аскетизма – это обман, бегство от самого себя, а цель человеческой жизни – найти себя, свое «я». Кроме того, юноша осознает, что учение (в данном случае саман) затмевает истинный свет на пути самопознания, мешает слушать свою внутреннюю суть.

Тем временем до друзей Сиддхартхи и Говинды доходит слух о Возвышенном, о Готаме Будде, о том, кто достиг просветления, кто «habe in sich das Leid der Welt überwunden und das Rad der Wiedergeburt zum Stehen gebracht» [18, S. 18] // «преодолел в себе страданье мира и остановил колесо перерождений» [17, с.18], «hatte Nirwana erreicht und kehrte nie mehr in den Kreislauf zurück, tauchte nie mehr in den trüben Strom der Gestaltungen unter» [18, S. 19] // «достиг нирваны и уже не возвращался более в круговорот, не погружался в мутный поток перерождений» [17, с. 19]. Сиддхартха покидает саман вместе со своим другом в жажде услышать знание из уст Просветленного.

Главный герой без труда узнает Возвышенного, весь внешний вид Будды говорит о его святости; изнутри Просветленного струится свет, который чувствует каждый: «sein Gesicht und sein Schritt, sein still gesenkter Blick, seine still herabhängende Hand, und noch jeder Finger an seiner still herabhängenden Hand sprach Friede, sprach Vollkommenheit, suchte nicht, ahmte nicht nach, atmete sanft in einer unverwelklichen Ruhe, in einem unverwelklichen Licht, einem unantastbaren Frieden. Dieser Mann war heilig» [18, S. 24] // «его лицо, его поступь, и безмятежно устремленный долу взор, и безмятежно опущенная рука, и даже любой из пальцев его безмятежно опущенной руки говорили об умиротворенности, говорили о совершенстве – он никому не подражал, никого не искал, мирно дышал невозмутимым покоем, неугасимым светом, высочайшей умиротворенностью. Этот человек был святым» [17, с. 23].

Готаме Будда проповедовал свое знание о Четырех Истинах и восьмеричной дороге, открывшееся ему в момент просветления. Сиддхартха вступает в разговор с Возвышенным и говорит о неоспоримом великолепии его учения, а именно об одном из принципов концепции инь и ян, согласно которой мир един, и все происходящее взаимосвязано, принадлежит к общему закону причинности, становления и умирания. Однако юный самана указывает и на недостаток проповеди Будды – для достижения нирваны необходимо преодолеть все мирское. Сиддхартха придерживается мнения, что путь к просветлению у каждого индивидуален и неповторим. Следовать чьему-то учению – неверно. Герой желает оставить всевозможных учителей и отыскать свой собственный путь. Здесь мы видим отражение принципа философии

ских направлений Китая, а именно даосизма и дзэн-буддизма, согласно которым, авторитетные знания и всевозможные учения мешают достижению Дао (нахождению своего подлинного «я»).

Образ друга главного героя Говинды в романе «Сиддхартха», так же, как и в других произведениях Гессе, олицетворяет одну из ипостасей личности героя Сиддхартхи и самого писателя. Говинда остается с Возвышенным, желая всю жизнь следовать его учению. Это указывает нам на то, что часть души самого Сиддхартхи остается с Буддой, т.е. целью юного самана является достичь просветления по примеру Готамы Будды, приблизиться к Возвышенному, избрав при этом свою индивидуальную тропу.

Сиддхартхе открываются новые осознания, вместе с которыми он пробуждается. Так, герой приходит к пониманию, что ранее он отвергал многообразие, ища единства, и воспринимал мир как иллюзию, что было неверным: «Blau war Blau, Fluß war Fluß, und wenn auch im Blau und Fluß in Siddhartha das Eine und Göttliche verborgen lebte, so war es doch eben des Göttlichen Art und Sinn, hier Gelb, hier Blau, dort Himmel, dort Wald und hier Siddhartha zu sein. Sinn und Wesen waren nicht irgendwo hinter den Dingen, sie waren in ihnen, in allem» [18, S. 32–33] // «Синь была синью, река была рекою, и даже если в сини и реке внутри Сиддхартхи сокрыто живое единое и божественное, так ведь лад и смысл божественного как раз в том и заключается, чтобы здесь быть желтизною, а здесь синью, там небесами, там лесом, а здесь – Сиддхартхой. Смысл и сущность не прятались где-то за вещами, они были внутри их, внутри всего» [17, с. 30]. Теперь юный монах-подвижник желает искать истину не по ту сторону реальности, а в материальном мире; познать не только мир идей, как прежде, но и уделять такое же внимание чувственным восприятиям. Герой приближается к открытию своей новой сути, темного и женского начала (инь). Поэтому не случайным является сон, в котором Говинда (как олицетворение главного героя) превращается в женщину, и Сиддхартха припадает к ее груди.

Сиддхартха держит свой путь в город. Долго герой был в одиночестве, и вот теперь он желает примкнуть к обычным людям, почувствовать себя полноценным членом общества. Путь его пролегает через реку, через которую Сиддхартху переправляет перевозчик. Перевозчик обучился мудрости созерцания реки, и он говорит юному подвижнику, что тот еще вернется к реке, так как «alles kommt wieder!» [18, S. 40] // «все возвращается!» [17, с. 34].

Позже на другом берегу реки герой встречает женщину, которая пытается его соблазнить, но пока что Сиддхартха не позволяет взять верх своим природным инстинктам. Данная встреча является символом новой стороны жизни, которую Сиддхартха начинает в городе – жизнь чувственного опыта.

Кроме того, при входе в сам город, юный самана также встречает прекрасную женщину – знаменитую куртизанку Камалу. Сиддхартха восхищается ее внешней земной красотой. Он ставит своей целью – научиться искусству любви у прекрасной Камалы. Ради этой женщины Сиддхартха принимает ухоженный вид: остригает волосы, сбривает бороду. Камала дарит самане чистое белое одеяние и дает ему первые уроки чувственного наслаждения – уроки поцелуев.

И вот Сиддхартха уже не нищий самана, он городской житель. В нем впервые просыпается земное чувство – гордость, ведь ему больше не придется просить милостыню. Герой понимает, что городская жизнь среди обыденных людей намного проще, так как здесь преследуются только мелкие ближние цели: как заработать денег на еду да одежду. В такой мирской среде Сиддхартха сможет обрести спокойный сон, ему не придется больше жить в постоянном беспокойстве, безнадежно преодолевая трудности на пути к истине, к самости.

Камала помогает Сиддхартхе устроиться на работу к купцу Камасвами. Купец становится символом будущего сластолюбца Сиддхартхи. Живя в доме купца, герой продолжает придерживаться поста, первое время его не соблазняют обильные трапезы. Работа для таких людей, как Камасвами, для обывателей – это смысл жизни, для Сиддхартхи – игра, содержание которой не волнует его сердце, оставляет его равнодушным. Главное для юноши – познать любовь Камалы.

Сиддхартха с интересом и любопытством как сторонний наблюдатель следит за жизнью бюргеров, ведет свою своеобразную игру, не замечая при этом, что постепенно сам становится участником этой игры. Иногда герой чувствует предостережение своего внутреннего голоса, который говорит ему об опасности всецело погрузиться в мир чувственных кратковременных наслаждений и потерять божественный след, свое истинное предназначение.

Между тем прекрасная Камала одаривает Сиддхартху всеми своими знаниями в искусстве любви: в любовных играх и утехх. Она символизирует темную сторону (инь) главного героя, его природные инстинкты. Тем не менее юноша не любит Камалу. Сиддхартха остается одиночкой, в глубине души преданным своей изначальной задаче – поиску своего «я» и познанию истинной природы вещей.

Вскоре читатель узнает, что постепенно, незаметно для самого главного героя, его полностью поглотила сансара мирской жизни. При этом для изображения опасности сансары, разрушающей силы, с которой она окутывает Сиддхартху, Гессе прибегает к использованию сравнения: «Langsam, wie Feuchtigkeit in den absterbenden Baumstrunk dringt, ihn langsam füllt und faulen macht, war Welt und Trägheit in Siddharthas Seele gedrungen, langsam füllte sie seine Seele, machte sie schwer, machte sie müde, schläferte

sie ein» [18, S. 59–60] // «Мало-помалу – подобно влаге, которая, проникая в омертвевший древесный пень, мало-помалу насыщает его и вызывает гниение, – мирская леность проникла в душу Сиддхартхи, мало-помалу напитала ее, наполнила тяжелой усталостью, усыпила» [17, с. 50]. Сиддхартха стал очень богатым и знатным человеком, приобрел собственный дом, сад и прислугу. Герой познал власть, сладострастие, чревоугодие – научился вкушать изысканную, качественно приготовленную на огне пищу и вино, отчего его кожа стала вялой и дряблой. Однако Сиддхартха по-прежнему смотрел на городских жителей с насмешкой и презрением, с каким самана относится к мирянам. Герой чувствовал себя отличным от бюргеров, ставил себя выше, так как он не перенял у них ту важность, которую они придают своим заботам и делам. Тем не менее он заимствовал у них не только черты пресыщенного недовольства, хандры и лености, но и боязливость перед потерей своего имущества, за что Сиддхартха презирал и ненавидел себя.

Главный герой замечает, что его внутренний голос, некогда направлявший его к высоким духовным целям, стал совсем слабым, почти беззвучным: «Jenes hohe, helle Wachsein, welches er einst, auf der Höhe seiner Jugend, erlebt hatte, in den Tagen nach Gotamas Predigt, nach der Trennung von Govinda, jene gespannte Erwartung, jenes stolze Alleinstehen ohne Lehren und ohne Lehrer, jene geschmeidige Bereitschaft, die göttliche Stimme im eigenen Herzen zu hören, war allmählich Erinnerung geworden, war vergänglich gewesen; fern und leise rauschte die heilige Quelle, die einst nahe gewesen war, die einst in ihm selber gerauscht hatte» [18, S. 59] // «То высокое и светлое чувство пробуждения, какое он изведаль когда-то, на вершине юности, в дни после проповеди Готамы, после разлуки с Говиндой, то напряженное ожидание, то гордое одиночество без наставлений и без наставников, та покорная готовность слушать божественный голос в собственном своем сердце стали мало-помалу воспоминаниями, оказались преходящи; далеко и тихо журчал священный источник, который был когда-то совсем близко, журчал когда-то в нем самом» [17, с. 49].

Сиддхартха утратил равнодушие по отношению к забывчивым плательщикам, радость от раздаривания и одалживания денег нуждающимся, доброжелательность к нищим людям. Богатство стало для героя уже не игрой, а стяжательством; собственность превратилась для Сиддхартхи в оковы. Поэтому главный герой с большим пристрастием и азартом играет в кости на деньги и драгоценности. Он становится опасным игроком, делая очень большие ставки. Герой полюбил страх, который он, играя, испытывал каждый раз перед потерей своего материального состояния. Чувство страха – это единственное, что разжигало его охолодевшие чувства, приносило ему подобие счастья среди этой пресной жизни. Каждый раз, ощущая отвращение к самому себе, Сиддхартха снова начинал играть, пить вино и накапливать новое богатство. Сансара бессмысленных страстей состарила героя, сделала его больным.

Герой видит усталость на прекрасном лице Камалы и зарождение старости. Сиддхартха с ужасом и испугом осознает, что как к ней, так и к нему самому приближается увядание и смерть. Он жаждет освободиться от бессмысленного круговорота сансары: «Wie wenn einer, der allzuviel gegessen oder getrunken hat, es unter Qualen wieder erbricht und doch der Erleichterung froh ist, so wünschte sich der Schlaflose, in einem ungeheuren Schwall von Ekel sich dieser Genüsse, dieser Gewohnheiten, dieses ganzen sinnlosen Lebens und seiner selbst zu entledigen» [18, S. 63] // «Подобно тому как человек, не в меру много съевший или выпивший, в муках извергает все это из себя, радуясь облегчению, так Сиддхартха, лежа без сна, терзаясь чудовищным омерзением, мечтал отринуть эти улады, эти привычки, всю эту бессмысленную жизнь и самого себя» [17, с. 53]. Употребленное автором сравнение указывает, насколько сильные муки испытывает главный герой, как тяжело ему осознавать, что он погряз в презираемых им страстях, суетных бесполезных делах. Кроме того, Сиддхартха понимает, что его жизнь была еще более бессмысленной и смешной, чем жизнь обывателей, так как он не жил делами и мечтами этих людей, а был все же лишь сторонним наблюдателем, одиноком среди толпы людей: «Alle diese Jahre hatte er, ohne es selbst zu wissen, sich bemüht und danach gesehnt, ein Mensch wie diese vielen zu werden, wie diese Kinder, und dabei war sein Leben viel elender und ärmer gewesen als das ihre, denn ihre Ziele waren nicht die seinen, noch ihre Sorgen, diese ganze Welt der Kamaswami-Menschen war ihm ja nur ein Spiel gewesen, ein Tanz, dem man zusieht, eine Komödie» [18, S. 65] // «Долгие эти годы он, сам того не ведая, стремился стать таким же, как это множество окружающих, как эти дети, а притом жизнь его была куда более жалкой и нищей, чем их жизнь, ведь ни целей их, ни забот он не разделял, весь этот мир людей, подобных Камасвами, был для него только игрой, танцем, которым любуются со стороны, комедией» [17, с. 55]. Сиддхартха чувствует, что и его отношения с Камалой потеряли все великолепие, красоту и очарование. Он находится в смятении: стоит ли все время жить только ради чувственных наслаждений, любовных улад. Герой приходит к заключению, что эта игра не должна быть вечной. Внутренний монолог героя Гессе передает при помощи риторических вопросов и восклицаний: «Spielten sie nicht ein Spiel ohne Ende? War es notwendig, dafür zu leben? Nein, es war nicht notwendig! Dieses Spiel hieß Sansara, ein Spiel für Kinder, ein Spiel, vielleicht hold zu spielen, einmal, zweimal, zehnmal - aber immer und immer wieder?» [18, S. 65] // «Не играют ли они в игру, которой нет конца? Надобно ли жить ради этого? Нет, не надобно! Эта игра зовется сансарой, игрою для детей, быть может, она и стоит того, чтобы сыграть в нее один, два, десять раз – но ведь не бесконечно, вновь и вновь?» [17, с. 55].

Сиддхартха видит сон, в котором певчая птичка Камалы, живущая в клетке, умерла, и он выбросил ее вон. Данный сон обозначает, что все светлое и прекрасное, что было в душе героя, умерло, он выбросил это как певчую птичку. В итоге Сиддхартха решает вернуть свой прежний внутренний божественный след. Он бросает свои владения, богатства, Камалу и уходит. Первый день, проведенный без пищи, вызывает теперь у него голод: Сиддхартха давно не постился. Камасвами думает, что на его верного помощника напали разбойники и разыскивает Сиддхартху, а Камала, все годы зная, что рано или поздно ее любимый возлюбленный оставит ее, выпускает птичку из клетки, что символизирует вновь обретенную свободу героя, вновь обретенный им путь. Кроме того, читателю становится известно, что Камала забеременела от Сиддхартхи.

Таким образом, в анализируемом нами романе мы видим воплощение очередного принципа даосизма – цивилизация и культура, все искусственное, что создано человеком, являются помехой на пути к просветлению, достижению Дао. Человек, избравший духовный путь, вынужден возвратиться к природе, чтобы достичь своего изначального состояния, т.е. отыскать свое «я».

С мыслями о самоубийстве Сиддхартха шагает в неизвестность. Он считает, что дорога в прежний светлый духовный мир для него закрыта. Герой приходит к лесной реке, через которую его некогда переправил в город перевозчик, и с чувством полного отвращения к себе Сиддхартха желает броситься в речной поток и утонуть. Однако неожиданно в душе героя рождается священный звук «ом», означающий «преображение» и «совершенство», после чего Сиддхартха пробуждается и осознает глупость своего желания покончить жизнь самоубийством. Герой погружается в крепкий и глубокий сон, который был ничем иным, как «ein langes, versunkenes Om-Sprechen gewesen, ein Om-Denken, ein Untertauchen und völliges Eingehen in Om, in das Namenlose, Vollendete» [18, S. 69] // «долгое, сосредоточенное повторение ом, мышление ом, погружение и полное растворение в ом, в безыменном, совершенном» [17, с. 58]. Он просыпается обновленным и полным сил, радостным и счастливым.

Сиддхартха встречает Говинду, друга своей молодости. Говинда удивлен, смятен и расстроен из-за того, что Сиддхартха оставил духовный путь саморазвития и стал богачом. Встреча с Говиндой показывает нам, каким был сам Сиддхартха в годы юности, какой затем неожиданный поворот приняла его жизнь, и кем он стал теперь: «In dies Priestertum, in diesen Hochmut, in diese Geistigkeit hinein hatte sein Ich sich verkrochen, dort saß es fest und wuchs, während er es mit Fasten und Buße zu töten meinte. Nun sah er es, und sah, daß die heimliche Stimme recht gehabt hatte, daß kein Lehrer ihn je hätte erlösen können. Darum hatte er in die Welt gehen müssen, sich an Lust und Macht, an Weib und Geld verlieren müssen, hatte ein Händler, ein Würfelspieler, Trinker und Habgieriger werden müssen, bis der Priester und Samana in ihm tot war. Darum hatte er weiter diese häßlichen Jahre ertragen müssen, den Ekel ertragen, die Leere, die Sinnlosigkeit eines öden und verlorenen Lebens, bis zum Ende, bis zur bitteren Verzweiflung, bis auch der Lüstling Siddhartha, der Habgierige Siddhartha sterben konnte» [18, S. 76–77] // «В это священное служенье, в это высокомерие, в эту одухотворенность схоронилось его «я», там оно сидело и росло, а он полагал, будто умерщвляет его постом и покаянием. Теперь-то он видел это, видел, что тайный голос был прав, что никакой наставник никогда не смог бы даровать ему избавленье. Поэтому он должен был уйти в мир, предаться усладам и власти, женщинам и деньгам, стать торговцем, игроком в кости, пьяницей и скрягой – куда не умрет в нем священнослужитель и самана. Поэтому он должен был терпеть эти ужасные годы, терпеть омерзение, пустоту, бессмысленность унылой и потерянной жизни – до конца, до горького отчаяния, куда не умрет и сластолюбец Сиддхартха, скряга Сиддхартха» [17, с. 64]. Герой приходит к выводу, что все случившееся с ним было неслучайным, как и неслучайно все в жизни. Сиддхартха хотел отыскать свое «я», но лишь затмевал его в юности одержимостью духовной цели, поэтому герою понадобилось пройти чувственный опыт, чтобы унять в себе гордость и слепое рвение. Теперь в Сиддхартхе умер также богач и сластолюбец, он рожден заново. Сиддхартха решает, что он больше не будет ни горделивым мудрецом, ни ненавидящим себя скрягой. В нем не умерла певчая птичка, она жива, в нем умерли лишь две его прежние ипостаси. От этого герой испытывает радость и безусловную любовь ко всем людям, ко всему окружающему миру, что прежде ему никогда не удавалось.

Сиддхартха понимает, что он должен был пройти через отчаяние, вызвавшее в нем мысль о самоубийстве, чтобы прийти к освобождению, к новому рождению, к новому озарению. С детства Сиддхартха слышал от своего отца и наставников, что мирские страсти, деньги губительны для души, но теперь герой прочувствовал это на своем собственном опыте. Таким образом, Сиддхартха познал как светлую сторону жизни (ян), так и темную (инь). Он осознал, что эти сути едины в человеке, их нужно принять и гармонизировать в себе, а не отрицать и подавлять одну из сторон.

Сиддхартха слышит свой внутренний голос, который призывает его остаться жить у реки. Герой снова встречает лодочника, и они начинают жить вместе в скромной хижине старца Васудевы. Главный герой обучается труду перевозчика: переправлять людей через реку, чинить лодку, а также выращивать плоды и собирать урожай. Васудева предстает перед читателем спокойным, гармоничным и мудрым человеком с лучезарной улыбкой. Вскоре и Сиддхартха становится таким же радостным и умиротворен-

ным. Много лет проводят друзья вместе, занимаются медитациями (принцип дзэн-буддизма и даосизма), слушают журчание реки и любят ее воды: «Oft saßen sie am Abend gemeinsam beim Ufer auf dem Baumstamm, schwiegen und hörten beide dem Wasser zu, welches für sie kein Wasser war, sondern die Stimme des Lebens, die Stimme des Seienden, des ewig Werdenden» [18, S. 84] // «Вечерами они часто сидели возле берега, на упавшем стволе, молчали, внимая реке, что была для них не рекою, а голосом жизни, голосом бытия, голосом вечного становления» [17, с. 69]. Старцы становятся настолько похожи друг на друга, что окружающие люди воспринимают их как двух братьев-мудрецов.

Сиддхартха по примеру Васудевы обучается мудрости у реки, она становится священной для героя. С помощью медитаций созерцания реки главный герой пришел к нескольким новым осознаниям. Во-первых, несмотря на то, что человек постоянно преобразовывает себя, меняет свой характер и интересы, привычки и пристрастия его внутреннее извечное «я» остается неизменным: «dies Wasser lief und lief, immerzu lief es, und war doch immer da, war immer und allezeit dasselbe und doch jeden Augenblick neu!» [18, S. 78] // «эта река бежала и бежала, бежала не останавливаясь и все-таки оставалась тут, на месте, всегда и во все времена была та же и все-таки каждую секунду другая, новая!» [17, с. 65]. Используемое писателем риторическое восклицание, повтор и олицетворение помогают передать эмоции героя (восторг, восхищение, радость), которые он испытывает от своего нового духовного пробуждения. Второй урок, который он получил от реки, – падение вниз, опускание на самое дно – полезное благостное дело, так как это позволяет человеку лучше разглядеть свет, который нельзя увидеть ясно и отчетливо, не познав тьму. Кроме того, благодаря реке, которая каждое мгновение находится повсюду и для нее есть только настоящий момент, Сиддхартха понял, что времени не существует: «Und als ich es gelernt hatte, da sah ich mein Leben an, und es war auch ein Fluß, und es war der Knabe Siddhartha vom Manne Siddhartha und vom Greis Siddhartha nur durch Schatten getrennt, nicht durch Wirkliches. Es waren auch Siddharthas frühere Geburten keine Vergangenheit, und sein Tod und seine Rückkehr zu Brahma keine Zukunft. Nichts war, nichts wird sein; alles ist, alles hat Wesen und Gegenwart» [18, S. 83] // «И когда я постиг это, то посмотрел на свою жизнь, и она тоже была рекою, и отрока Сиддхартху отделяла от мужчины Сиддхартхи и от старца Сиддхартхи лишь тень, а не реальность. И прежние рождения Сиддхартхи тоже не были прошлым, а смерть его и возвращение к Брахме не были грядущим. Ничего не было, ничего не будет, все живо здесь и сейчас» [17, с. 69]. Время на Земле, в данном воплощении, является иллюзией и обманом. Внутреннее «я» человека живет по вневременным законам, оноечно и неизменно. Также Сиддхартха узнает от реки о единстве всего сущего. При этом, сообщая читателю об очередном озарении Сиддхартхи, Гессе снова прибегает к использованию художественных средств: риторического обращения и вопроса, повтора, перечисления и многосоюзя: «Nicht wahr, o Freund, der Fluß hat viele Stimmen, sehr viele Stimmen? Hat er nicht die Stimme eines Königs, und eines Kriegers, und eines Stieres, und eines Nachtvogels, und einer Gebärenden, und eines Seufzenden, und noch tausend andere Stimmen?» [18, S. 83] // «Не правда ли, о друг мой, у реки множество, великое множество голосов? Это и голос царя, и воина, и быка, и ночной птицы, и роженицы, и воздыхателя, и еще тысяч иных голосов...» [17, с. 69].

Спустя годы к Сиддхартхе и Васудеве пришли странствующие монахи, последователи Будды, которые сообщили друзьям весть о приближающейся последней смерти Возвышенного. К нему стремилось прийти множество паломников. Камала со своим сыном Сиддхартхой также отправилась увидеть и проститься с Совершенным. Ее сын, капризный и избалованный мальчик, часто уставал в пути и просил об отдыхе. В одном из привалов, возле переправы, Камалу ужалила змея (в древнеиндийской мифологии змея Кундалини символизирует женское начало). Васудева принес женщину в свою хижину. Сиддхартха сразу же узнал свою прежнюю возлюбленную и своего сына, в котором увидел самого себя в детстве. Камала умирает. Ее смерть указывает читателю на полное освобождение Сиддхартхи от прежней бюргерской жизни, полной страданий и боли. Кроме того, Камала сравнивает Сиддхартху и Готаму: она желала увидеть Будду, но встретила Сиддхартху, что является не меньшим счастьем. Следовательно, мы видим, что главный герой приближается к Возвышенному: обретает мир, душевный покой и равновесие. Смерть Камалы, как и прежде река, приводит Сиддхартху к мысли об одновременности бытия, вечности каждого мгновения и несокрушимости жизни. Сиддхартха очень сильно полюбил своего сына: «Hatte er denn jemals an irgend etwas so sehr sein Herz verloren, hatte er je irgendeinen Menschen so geliebt, so blind, so leidend, so erfolglos und doch so glücklich?» [18, S. 93] // «Разве он когда-нибудь привязывался к чему-то вот так, всем сердцем, разве любил когда-нибудь другого человека вот так – слепо, мучительно, безысходно и все же счастливо?» [17, с. 77]. Риторический вопрос, перечисление, градация и антитеза показывают, насколько страстной была любовь Сиддхартхи, как она его мучила и терзала. Между тем Сиддхартха был невероятно счастлив и чувствовал себя как никогда богатым. Впервые в жизни ему удалось по-настоящему полюбить человека, своего сына, и так привязаться к нему. Однако трудность заключалась в том, что мальчик ненавидел и презирал своего отца. Сын был приучен к роскоши и богатству, а добрый и мягкий бедняк-отец не мог дать ему всего, чего желал мальчик. Он вел себя капризно и грубо по отношению к отцу, желал вернуться в свой прежний мир изобилия и богатства. Но Сиддхартха в душе

надеялся, что своей кротостью и теплом растопит лед в сердце своего сына, и он полюбит своего отца так же сильно, как и Сиддхартха любил его: «Weich stärker ist als Hart, Wasser stärker als Fels, Liebe stärker als Gewalt» [18, S. 91] // «мягкость сильнее строгости, вода сильнее камня, любовь сильнее принуждения» [17, с. 76]. Но, в конце концов, мальчик навсегда сбегает в город.

Разлука с сыном помогла Сиддхартхе новыми глазами посмотреть на обычных людей, на мирян. Их суетные дела, бессмысленные поступки больше не вызывали у героя смех и презрение. Он с пониманием, уважением и любовью стал относиться к жизни обывателей. Сиддхартха в их заботах и устремлениях увидел Брахман, живой бессмертный огонь. Он считал, что они даже превосходили его, постоянно сомневающегося Сиддхартху, в своей решительности и твердости намерений. Река подарила главному герою еще одно новое осознание: «es kam alles wieder, was nicht bis zu Ende gelitten und gelöst ward, es wurden immer wieder dieselben Leiden gelitten» [18, S. 101] // «все не выстраданное до конца, нерешенное возвращалось, снова и снова приходилось терпеть одни и те же муки» [17, с. 83]. Сиддхартха вспоминает, как и он, будучи отроком, покинул своего отца и больше никогда не вернулся, как он стремился отыскать свой собственный путь. И теперь Сиддхартха занял место своего отца. Герой исповедуется в своих страданиях и новых озарениях Васудеве. В этот момент Сиддхартха замечает, что старец вбирает в себя его речь подобно реке, божеству из самой вечности. Главный герой сравнивает Васудеву с богом, с человеком, достигшим в себе совершенства мира и единства, просветления. Сиддхартха понимает, что такое блаженное явление не длится долго, и в душе начинает прощаться с Васудевой.

После страстной исповеди героя мудрый старец предлагает Сиддхартхе посидеть возле реки и послушать ее. Герой по-новому воспринимает голос реки. Теперь он видит единство мира еще более отчетливо и полноценно, и все это единство выливается в один священный звук совершенства «ом». Улыбка Сиддхартхи приобретает такой же свет, как и улыбка Васудевы. Рана Сиддхартхи от неразделенной любви к сыну исчезает, герой преодолевает последнее страдание, достигает внутреннего единства и становится Совершенным: «Seine Wunde blühte, sein Leid strahlte, sein Ich war in die Einheit geflossen» [18, S. 104] // «Его рана распустилась цветком, его страдание сияло лучами, его «я» влилось в единство» [17, с. 85]. Васудева покидает Сиддхартху, и герой видит сияющую святую фигуру своего друга-перевозчика. Таким образом, образ Васудевы раскрывает еще одну сторону личности главного героя, а именно просветленного мудреца, который все время жил в душе Сиддхартхи и которого ему удалось, наконец, в себе открыть. Сиддхартха остается жить среди дикой природы в хижине лодочника, пребывая в одиночестве.

Последняя глава романа Германа Гессе рассказывает читателю о встрече Говинды и просветленного старца Сиддхартхи. Главный герой открывает своему другу знания, открывшиеся ему в моменты его духовных просветлений. Сиддхартха говорит Говинде о том, что искание, цель затмевает истину, препятствует познанию, так как взор ищущего устремлен вперед, в будущее, а истина всегда находится здесь и сейчас. Кроме того, главный герой высказывает мысль, что учителей не нужно искать – они вокруг нас. Так, например, в жизни самого Сиддхартхи было множество учителей: прекрасная куртизанка Камала, богатый купец Камасвами, игроки в кости, сам Говинда, перевозчик Васудева и даже река. Мудрость, по мнению Сиддхартхи, нельзя передать. Мудрость, облаченная в слова, всегда звучит глупо для слушающего. Передать словами можно лишь знание. Сиддхартха указывает на недостатки учения Будды: Готама делит мир на нирвану и сансару, иллюзию и истину, страдание и избавление. Однако мир не бывает односторонним. В человеке живут одновременно и грешник, и Будда, и многие другие ипостаси – в каждой личности заложено единство многообразия. А так как времени не существует, внутреннее «я» человека всегда остается неизменным и постоянно несет в себе это многообразие форм. Кроме того, Сиддхартха сообщает Говинде, что главное в жизни для него – это безусловная любовь ко всему живому: «Mir aber liegt einzig daran, die Welt lieben zu können, sie nicht zu verachten, sie und mich nicht zu hassen, sie und mich und alle Wesen mit Liebe und Bewunderung und Ehrfurcht betrachten zu können» [18, S. 112] // «Для меня же существенно только одно – умение любить мир, не презирать его, не испытывать ненависти к нему и к себе, умение смотреть на него, и на себя, и на все существа с любовью, с восторгом, с благоговением» [17, с. 91].

Говинда приходит к осознанию, что Сиддхартха подобен Готаме Будде, Сиддхартха также является святым, хоть его учение, в отличие от учения Готамы, звучит для Говинды нелепо и диковинно. Взгляд, движения и улыбка Сиддхартхи – все говорит о его просветленности: «dies Lächeln der Einheit über den strömenden Gestaltungen, dies Lächeln der Gleichzeitigkeit über den tausend Geburten und Toden, dies Lächeln Siddharthas war genau dasselbe, war genau das gleiche, stille, feine, undurchdringliche, vielleicht gütige, vielleicht spöttische, weise, tausendfältige Lächeln Gotamas, des Buddha, wie er selbst es hundertmal mit Ehrfurcht gesehen hatte. So, das wußte Govinda, lächelten die Vollendeten» [18, S. 115] // «улыбка единства над текучими воплощениями, улыбка одновременности поверх тысяч рождений и смертей, это улыбка Сиддхартхи была в точности та же самая, в точности такая же кроткая, тонкая, непроницаемая, не то добрая, не то насмешливая, мудрая, тысячеликая улыбка Готамы, Будды, какую он сам сотни раз благо-

говейно созерцал. Именно так – Говинда знал это – улыбались Совершенные» [17, с. 94]. На прощание Говинда целует лоб Сиддхартхи, и Говинду посещает видение, в котором ему открывается истина о единстве вневременного многообразия, заключенного в каждом отдельном человеке: «Er sah seines Freundes Siddhartha Gesicht nicht mehr, er sah statt dessen andre Gesichter, viele, eine lange Reihe, einen strömenden Fluß von Gesichtern, von Hunderten, von Tausenden, welche alle kamen und vergingen, und doch alle zugleich dazusein schienen, welche alle sich beständig veränderten und erneuerten, und welche doch alle Siddhartha waren» [18, S. 114] // «Он не видел лица своего друга Сиддхартхи, вместо этого ему виделись иные лица, множество, длинная череда, текущая река лиц, сотен, тысяч, все они появлялись и исчезали и, однако же, словно пребывали здесь все разом, постоянно менялись и возобновлялись, и, однако же, все были Сиддхартхой» [17, с. 93]. Сердце Говинды преисполняется величайшим чувством беззаветной любви и благоговения перед Сиддхартхой, а также перед всеми людьми и всем миром. Сиддхартхе удалось передать своему другу Говинде открывшиеся ему знания.

Заключение. Главный герой романа Германа Гессе «Сиддхартха» всю жизнь находится на пути самосовершенствования и познания истины. Он стремится отыскать свое внутреннее истинное «я», свой атман, совершая путешествие к истокам своей души. Его главная жизненная цель – достижение душевной гармонии и просветления. Такой путь, несомненно, приводит героя к непониманию со стороны общества и, как следствие, – к одиночеству. Во время своего паломничества Сиддхартха прибегает к священнослужениям индуизма, к формам аскетизма саман и духовным практикам и принципам дзэн-буддизма, даосизма и инь и ян. Герой познает не только духовную сторону жизни, но и мирскую, полную грехов и земных наслаждений.

С помощью созерцания реки к Сиддхартхе приходит множество духовных озарений: о единстве вневременного многообразия в каждом человеке, о неизменности и бессмертии внутреннего «я», о том, что главное в жизни – это безусловная любовь ко всему живому. Герой романа остается жить в одиночестве среди божественной природы и достигает просветления. Ему удается соединить в себе не только два полюса инь и ян, но и обрести тем самым гармонию и целостность. Герой также осознает в себе и в любом другом человеке множество различных лиц, образующих единство вневременного, что делает Сиддхартху Возвышенным, Буддой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Целлер, Б. Герман Гессе сам о себе / Бернхард Целлер ; пер. Е. Нечепорука. – Челябинск : Урал LTD, 1998. – 310 с.
2. Мюнстер, Е.Г. Гессе и психоанализ [Электронный ресурс] / Е.Г. Мюнстер // Hermann Hesse. – Режим доступа: <http://www.hesse.ru/articles/muenster/read/?ar=psh>. – Дата доступа: 07.12.2016.
3. Рожкова, Н.В. Феноменология искусства в творчестве Германа Гессе [Электронный ресурс] / Н.В. Рожкова. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-iskusstva-v-tvorchestve-germana-gesse>. – Дата доступа: 30.04.2017.
4. Терехова, Т.В. Проблематика и особенности поэтики раннего творчества Германа Гессе 1890-х – 1920-х годов [Электронный ресурс] / Т.В. Терехова // Библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/literatura-mira/problematika-i-osobennosti-pojetiki-rannego-tvorchestva-germana-gesse-1890-h-1920-h.html>. – Дата доступа: 17.04.2017.
5. Baumann, G. Der archetypische Heilsweg. Hermann Hesse, C.G. und die Weltreligionen / G. Baumann. – Rheinfelden : Schäuble, 1990. – 110 S.
6. Neumann, E. Die Bedeutung der spätbürgerlichen Philosophie und der Tiefenpsychologie für Hermann Hesse bis zur Entstehung der Erzählung «Siddhartha» / E. Neumann // Wissenschaftliche Zeitschrift der Päd. Hochschule Potsdam. – 9.Jg. – 1965. – H. 1. – S. 79–92.
7. Hilscher, E. Poetische Weltbilder. Essays über H. Mann, T. Mann, H. Hesse, R. Musil, L. Feuchtwanger / E. Hilscher. – Berlin : Buchverlag der Morgen, 1977. – 246 S.
8. Lützkendorf, F. Hermann Hesse. Beziehungen zur Romantik und zum Osten / F. Lützkendorf. – Bergdorf, 1932. – 186 S.
9. Mayer, G. Die Begegnung des Christentums mit den asiatischen Religionen im Werk H. Hesses / G. Mayer. – Bonn : Röhrscheid, 1956. – 181 S.
10. Pannwitz, R. Hermann Hesses West-östliche Dichtung / R. Pannwitz. – Stuttgart : Jäckh, 1957. – 59 S.
11. Hsia, A. Hermann Hesse und China. Darstellung, Materialien und Interpretation. Mit zahlreichen Abbildungen / A. Hsia. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1974. – 339 S.
12. Unseld, S. Der ostasiatische Hintergrund zu Hermann Hesse Rut «Sein du selbst» / S. Unseld // Suche nach Einheit. Hermann Hesse und die Religionen. Hrsg. von W. Böhme. – Stuttgart u. Frankfurt a. M., 1978. – S. 38–54.
13. Koller, G. Kastalien und China. Bemerkungen zu Hermann Hesses Werk «Das Glasperlenspiel» / G. Koller // Annales Universitatis Saraviensis. Philosophie. – Lettres. Jg. 1. H. 1. – Saarbrücken, 1952. – S. 5–18.
14. Золотухина, О.Б. Эволюция психологизма Германа Гессе / О.Б. Золотухина. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2007. – 163 с.

15. Кузнецова, Н.В. Восток в художественном мире Германа Гессе («Сиддхартха») / Н.В. Кузнецова // Проблемы истории литературы : сб. ст. / Ин-т славяноведения РАН, Моск. гос. открыт. пед. ун-т им. М.А. Шолохова, Полоцкий гос. ун-т ; отв. ред. А.А. Гугнин. – М., Новополюцк, 2008. – Вып. 20. – С. 267–286.
16. Каралашвили, Р.Г. Философские основы позднего творчества Г. Гессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / Р.Г. Каралашвили; Тбилис. гос. ун-т. – Тбилиси, 1971. – 32 с.
17. Гессе, Г. Собрание сочинений : в 8 т. / редкол.: Н.С. Павлова [и др.]. – М. : Прогресс – Литера, 1994. – Т. 3 : Сиддхартха / Н.С. Павлова [и др.]. – 1994. – С. 5–95.
18. Hesse, H. Siddhartha. Eine indische Dichtung / H. Hesse. – Berlin : Suhrkampf Verlag, 2014. – 116 S.

Поступила 29.05.2017.

THE MOTIVE OF PILGRIMAGE IN HERMAN HESSE'S NOVEL «SIDDHARTHA»

V. SAPEGA

The article considers the artistic realization of the eastern subject in H. Hesse's novel «Siddhartha» through the analysis of the pilgrimage motive. It's shown that the given motive is interpreted as Siddhartha's journey to the cradle of his soul, to his genuine inner self. The pilgrimage of the protagonist as a process of spiritual self-cultivation includes both the forced and the deliberate sense of Siddhartha's solitude. The aim of the protagonist's spiritual searching is to attain the state of enlightenment, to gain inner integrity by means of the harmonization of polarity of his personality and external being. The influence of the Hindu ideology and various Chinese philosophical currents upon H. Hesse's novel «Siddhartha» is revealed.

Keywords: *the pilgrimage motive, the solitude motive, the principle of the double worldview and the world unity, Hinduism, Zen Buddhism, Taoism, yin and yang, the artistic means.*